

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

Н. Ф. БУРОВА — КОРРЕСПОНДЕНТ А. М. РЕМИЗОВА

Первая волна эмиграции для нас всегда окрашена трагической романтикой. Но даже в этой среде жизнь Нины Федоровны Буровой признают легендарной. Мне посчастливилось слышать все, о чем пишу, из уст самой героини в октябре 1990 г. в Вашингтоне.

Родилась Нина Федоровна в Вильно, в 1894 г., в генеральской семье. С золотой медалью окончила Мариинский институт, затем — Московский университет. Вышла замуж за офицера, впоследствии генерал-майора, Петра Никитича Бузова, уроженца Костромы, потомка по женской линии национального героя Ивана Сусанина. В 1914 г. у них родилась дочь Нина, в 1916 — сын Петр. Во время первой мировой войны П. Н. Бузов был награжден орденами Св. Георгия и Белого Орла 1-ой степени и произведен в генералы. Революция и Гражданская война застала семью Бузовых на Украине. Добровольческая армия отступала к Крыму. В феврале 1920 года Нине Федоровне пришлось попрощаться с мужем в Екатеринодаре: Красная армия входила в город, а дети были тяжело больны. Недолго она жила по подложному паспорту, затем начались облавы, обыски, аресты. Пришлось уходить в горы, прятаться на хуторах, в табачных сушилках. В станице Кубанской началась необычная партизанская эпопея Буровой. Вот как об этом, спустя семьдесят лет, она написала в книге своих исторических очерков:

«Беседы с осколками донских и кубанских частей убедили меня в полной их растерянности и отсутствии какой-либо организации и цели. Не было ответов на вопросы: Что дальше? Куда бежать? Ведь пощады не будет!

Получив с детства спортивную подготовку (стрельба, рубка, верховая езда) и в раннем замужестве некоторое военное образование^{*}), я стала объяснять окружающим меня действия партизанских отрядов, вспоминая когда-то прочитанную книгу

* Мой муж, офицер генерального штаба, был профессором в Виленском Военном училище. Читал лекции по тактике. За недостатком времени научил меня исправлять работы и задачи юнкеров по тактике и, зная языки, переводить с немецкого на русский важные военные документы для Главного Штаба в Петербурге в 1913 году.

генерала Корнилова. „Тактика партизанской войны“. На хутор все прибывали новые люди. С воодушевлением я ободряла, прося дружно сплотиться. Я была молода, энергична, сильна волей и здоровьем, и моя джигитовка импонировала сильному полу.

Полетела по Кубани молва обо мне. Казаки стали приезжать в этот маленький хутор, что было небезопасно для наших гостеприимных греков, и я просила, чтобы они удалились в горы. Каково было мое удивление, когда делегация от казаков явилась ко мне и объявила, что они избрали меня атаманом нового партизанского отряда для борьбы против красных. У меня не было другого выхода, и я дала мое согласие.

В эту же ночь мы выступили в числе 200 всадников, решив держать путь на Тиберду, двигаясь в Майкопском отделе: ночью поход, а днем, по обочинам шляха — тихо в засаде. Красные части, снаряжение и обозы шли по шляху (шоссе). Сколько раз приходилось сдерживать нетерпеливых наших стрелков, чтобы не бить и не нападать в голову колонны, а ждать, когда дойдет до середины. Тогда передняя часть красных, отрезав постромки от тачанок, бросалась скакать вперед, а задняя пускалась „наутек“, оставляя нам тачанки с пулеметами, патронами, оружием, снаряжением и продовольствием (...)

Были у нас и раненые и больные, но не было ни медикаментов, ни хирургических инструментов. Случайно в сумке нашлись маленькие ножницы, маникюрные принадлежности, а у казаков — острые ножи. Ракия (крепкая кукурузная водка), которая была у нас в большом количестве, служила дезинфекцией импровизированных инструментов и ран. Я удачно вскрывала нарывы, извлекала пули, лечила раны. Ракия употреблялась внутрь, как анестезия, и снаружи как дезинфекционное средство. Чудесно все раненые и больные выздоравливали.

В лесу, на бивуаке, обыкновенно между дубами протягивали веревки, покрывали коврами, получался шатер; против него на дубу вешали икону Божьей Матери. Во время короткого привала был ужин (мед, сало, хлеб или лепешки, что нам пекли казачки) и разбор маневров. Иногда чинили и суд. Казаки сильно оборвались и нуждались в обмундировке: и большей частью надо было рядить суд за неправильное распределение трофеев между казаками, доходившее иногда до крупных ссор, и решать судьбу попавших к нам в плен красных из карательных отрядов. Об этих моментах страшно вспоминать...»¹

Одиннадцать месяцев с боями продвигался отряд. В одном из сражений Нина Федоровна была ранена пулеметной пулей в грудь навывлет и попала в плен. После допросов и истязаний была приговорена к высшей мере наказания. Шесть недель «майкопская атаманша» провела в камере смертников и, как она утверждает, это было время ее необычайного духовного роста: вспоминала и читала вслух стихи на русском, француз-

ском и немецком языках, молитвы, и только одна земная забота — о детях — тревожила ее и связывала с миром. По случаю 1 мая заключенным объявили амнистию, смертная казнь была заменена пожизненными принудительными работами в Соловках. В лагере политические содержались вместе с уголовниками, среди которых было популярно украшательство татуировкой. И здесь Нина Федоровна стяжала еще одну славу — художницы. Оценила этот дар и администрация. Последовало легкое послабление — перевод в харьковский концлагерь для выполнения портретов «вождей». Стало возможным начать разыскивать детей, в чем помогли друзья. Детей привели в лагерь и несколько месяцев они жили там вместе с матерью. Затем рискованный, но удачный побег с детьми через границу в Польшу, встреча с мужем, 27 лет жизни во Франции.

Это были деятельные годы. П. Н. Буров много работал по сплочению русской общественности, чему способствовали конкретные дела: строительство храма, Русского Дома, школы, библиотеки. Нина Федоровна получила докторскую степень по психиатрии в Сорбонне (докторская диссертация, в которой разработана тема «сны Пушкина», ныне передана Ниной Федоровной в Пушкинский Дом) и диплом доктора наук по византийскому искусству от Лувра. Но были и трудные времена. Надо было растить детей, дать им самое лучшее образование. Нина Федоровна становится хозяйкой Галлиполийского собрания, кончает кулинарные курсы, содержит ресторан, в котором сама работает по восемнадцать часов в сутки. Там пела Плевацкая, туда приходили русские эмигранты: военные, художники, писатели, среди них И. А. Бунин, С. Маковский и И. Д. Сургучев. Однажды Сургучев спросил Бурову: «Что же вы Ремизова не пригласите?» Нина Федоровна рассказала, как впервые зашла в знаменитую «кукушкину» комнату Ремизова, увидела его, нахохленного, укутанного в шаль, спросила: «Что же вы к нам в Галлиполийское собрание не придете? У нас много молодежи». Ремизов отвечал, что почти нигде не бывает: жизнь трудная, денег нет, к тому же нас, русских, нигде не любят. «С женой Алексея Михайловича Серафимой Павловной Ремизовой—Довгелло мы оказались землячками, обе из Вильно, подружились. Они жили очень бедно. Я стала им помогать, приносила еду из ресторана».

После тяжелых испытаний во время Второй мировой войны семья Буровых переезжает в Соединенные Штаты. Дружба с Ремизовыми продолжается теперь уже в единственно доступной форме — переписке. В каждое письмо Нина Федоровна вкладывает бумажный доллар, посылает пакеты с продуктами. К сожалению, во время частых переездов из одного города в другой письма С. П. Ремизовой—Довгелло были утрачены, сохранились только три последних письма Алексея Михайловича и три его книги с дарственными надписями,² выполненные узнаваемой ремизовской вязью.

Автографы переданы Ниной Федоровной Пушкинскому дому в дар.³ В нашей беседе я спросила о первом впечатлении от знакомства с Ремизовым. И моя собеседница, которую, казалось, ничто не может смутить (она, например, не стесняясь рассказывала о том, что в екатеринодарском Особом Отделе ее выпороли шомполами), вдруг замялась: «Вы понимаете, я сама художница и привыкла, чтобы облик соответствовал... а он такой ...неопытный талант...».

Все же, несмотря на различие манер, влияние Ремизова на Бурову сказалось и в выборе диссертационных тем, и в том, что она пишет портреты и русские иконы. В 1991 году в Вашингтоне прошла ее персональная выставка, а портрет Ф. И. Шаляпина, которого художница знала и по Петербургу и по Парижу, был подарен Ленинградскому Театральному музею. По желанию Н. Ф. Буровой, письма А. М. Ремизова к ней публикуются на родине.

Примечания

¹ Бурова Н. Ф. Река времен. Вашингтон: Д. К., 1990. С. 216—219.

² Воспроизведены в кн.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 27, № 834), 862), 873).

³ РО ИРЛИ, ф. 256.

21. VII 1952

Alexej Remisov
7 Rue Boileau, Paris XVI
(семь)

Дорогая Нина Бурова!

Как вас величать по отчеству?

За мудрое слово спасибо. Переведите еще что Вам по душе. За ваше желание спасибо. Посылку не присылайте: обложат пошლიной, а которая без пошрины ничего мне не есть: я привередливый. Я почти ничего не ем или мне так нужно и особенное.

Живу в затворе десятый год.

(Серафима Павловна Ремизова—Довгелло + 13 V 1943)

Посылаю Вам Мелюзину.¹

Это третья книга из Оплешник(а).

В объявлении о книгах вы увидите и вышедшие и которые готовы к изданию. Есть среди них Вам будет любопытно: о снах в рус.(ской) литературе и Гоголь, его сны.² и мои сны — «Тонь ночи».³

Книги выходят медленно — Оплешник жертва бедных книжников. Издание — 300 экз. из них 200 — на продажу и 100

я беру себе «на поминак». У меня единственное, что я могу подарить: книга.

Когда выпадет счастье,
пришлю Вам
Алексей Ремизов

¹ Алексей Ремизов. Мелюзина. Брунцвиг. Париж: Оплешник. 1952.

² Возможно, имеется в виду кн.: Алексей Ремизов. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж: Оплешник. 1954.

³ Книга «Тонь ночи» была опубликована под заглавием: Мартын Задека. Сонник. Париж: Оплешник. 1954.

25 I 1953

Дорогая Нина Федоровна

Мои глаза сквозные, различаю цвет и свет на ваших фотографиях. Показывал Игемону и Протопопу¹ и им чувствительно.

Не знаю о Копытчике:² невылазно дома стихи сочиняет. Только весна заманит его в мою «кукушкину» и тогда я покажу ему вашу цветную природу.

Если достанете «В розовом блеске»³, не посылайте мне, прилагаю надпись для первой страницы.

С птицами пошлю Вам мою Мышкину дудочку — интермедию к «Роз(овому) блес(ку)».

Нарисуйте себя, как вы себя представляете в негасимом и каменном, заревом и грозном, и с яблоком.

Я очень боюсь посылок: пошлина.

А какие звери у вас и какие сказки?

А. Ремизов

Во вторник 27-го ваши именины

Поздравляю!

в этот день вы будете есть мёд

а приснится вам медведь

Нине Федоровне
Буровой
память о Париже
в беззвездные годы
Алексей Ремизов

27/14 I 1953 Paris

¹ Протопоп — ремизовское прозвище французского медиевиста, профессора Сорбонны, друга писателя Пьера Паскаля (1890—1933).

² Копытчик — ремизовское прозвище поэта, критика С. К. Маковского (1877—1962).

³ А. Ремизов. В розовом блеске. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1952.

Дорогая Нина Федоровна

Спасибо за письмо и деньги.

Посылаю «Огонь вещей» — вам это близко сновидения русской литературы.

Я еще не вошел в жизнь и только понемногу отдышиваюсь (?) после тяжелой болезни.¹

Меня простудило холодное лето

Желаю вам Новый Год расцвести самыми яркими красками чтобы было и мне различать.

Вас вспоминают: Паскаль, Маковский, Емельянов,² Холмогорова (Costes)

Алексей Ремизов

¹ Ср. свидетельство биографа Ремизова Н. В. Резниковой: «После болезни зимой 1954 года А. М. все же не поправился окончательно. У него остались сильные припадки кашля с долгими задыханиями, которые очень мучили его» (Н. В. Резникова. Огненная память. Berkeley. 1980. С. 130).

² В. Н. Емельянов (1894—1963) — друг Ремизова, писатель, автор кн. «Свидание Джима» (Париж, 1964).